

ПРАГМАТИКА ДЕКОНСТРУКЦИИ

Алексей Дронов*

Abstract

In the report the attempt of description of the most general effect of deconstruction is presented. This effect is equally inherent in any variety of the deconstruction applications. The basic tendencies of interpretation of deconstruction, «authentic» character of its work are fluently examined for this purpose. The basic pre-analysis of the offered analysis is a thesis implying that the «truth» of deconstruction is entirely read out of its pragmatics. As a basic textual effect of deconstructing the reactualisation of textual (and out-textual) «messages», breaking their «situations», their extraction from the context of history of philosophy, is considered. Separately the ambiguity of deconstruction as an act is indicated, where deconstruction aspires to appear as a technical reception, and at the same time to belong to the nature of event.

Keywords: J. Derrida, deconstruction, pragmatic, textual effects, event.

Понятие *деконструкции* с момента своего появления попало в сеть присвоивших его интерпретаций и изначально стало предметом разночтений. Появившись как результат перевода на французский язык используемого М. Хайдеггером понятия деструкции, понимаемой как осмотрительный и аккуратный разбор, рас-страивание (*Abbau*) и расчищение языка метафизики в пользу высвобождения из-под его наслоений исходных интуиций мышления, «деконструкция» сразу же приобрела характер избыточного знака, не сводимого к области одного лишь метода, устойчивой стратегии или программы. В силу этой избыточности деконструкция даже в «аутентичном» своём применении (то есть в работах самого Ж. Деррида) получала то одно, то другое определение и техническое выражение.

Неопределённость этого знака и множественность его замещений, ситуативность самой процедуры, отсутствие общих правил или даже единой стратегии порождают целый корпус текстов-интерпретаций, нацеленных на истолкование природы деконструкции, и затрудняют разговор о единстве её прагматики. Эта множественность, скорее, допускает указание на «общее место» или наиболее частый, «дежурный»,

* Алексей Дронов – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Саратовской государственной академии права (г. Саратов, Россия); adronov@list.ru.

эффект, сопровождающий любые её применения. При этом кажется очевидным, что представление о единстве её *операции*, навешиваемое тождеством самого имени, предполагается каждым из множественных применений. Характер этой её *работы* может описываться различным образом (вызывая соответствующие различия и в частных эффектах отдельных разборов) и существенно колебаться по степени своей онтологической притязательности.

В своей работе 1980 английский исследователь Э. Истхоуп уже насчитывает несколько способов понимания задач и природы деконструкции. Согласно этому пересчёту под деконструкцией понимается, во-первых, раскрытие условий и самого процесса порождения текста; во-вторых, установление интердискурсивных зависимостей дискурса; в-третьих, редукция феномена «литературы» к поддерживающим её дискурсивным практикам и институтам; в-четвёртых, демонстрация зависимости «содержания» текста от процедур его прочтения; в-пятых, анализ устойчивых бинарных оппозиций и подрыв этой устойчивости.¹ К этому перечню можно добавить частое и обобщающее восприятие деконструкции как критики, а также – в силу её очевидной ориентации на работу со «скрытым значением» текста – сближение с практикой герменевтики.

Деконструкция неоднократно представала в образе критики, нарушающей привычные нормы функционирования дискурса и, в частности, дестабилизирующей привычные логические конструкции и понятия западной метафизики. Согласно Х. Франку, «деконструкция потрясает метафизику логоса, присутствия и сознания» «в её самых неоспоримых очевидностях»². Важнейшим эффектом деконструкции Франк считает расшатывание формально-логических оснований мышления: принципов тождества, противоречия и исключённого третьего.³ В этом, действительно, можно опознать один из имеющих место мотивов деконструкции. Но, как признаётся Деррида (комментируя реплику об «обнажении» деконструкцией «обратной стороны, изнанки логических противоречий»), «это лишь один из многих жестов»⁴.

Указывалось и на неправомерность понимания деконструктивистской критики как критики метафизики. Согласно Г.В. Бертраму, деконструкция не есть нечто внешнее по отношению к метафизике, но, скорее, является способом участия в ней, предоставления очевидности («делание-доступным-чтению») тем деконструкциям, которые уже осуществляются в её текстах.⁵ Такое понимание смысла деконструкции, по меньшей мере, не противоречит уточнениям самого Деррида об опережающем любую методическую процедуру характере деконструкции и его заверениям в симпатии по отношению к метафизике и логоцентризму.⁶

Для деконструктивизма Йельской школы (П. де Ман, Х. Блум, Дж.Х. Миллер) деконструкция предстала набором предпосылок, способных быть применёнными к анализу литературного произведения. В первую очередь, это представление об отсутствии «соб-

ственного» значения текста или, во всяком случае, его неочевидности, амбивалентности и возможной рассогласованности на разных уровнях организации текста, его вовлечённости в систему интертекстуальных отсылок и зависимости от процедур чтения. П. де Ман под деконструкцией понимает обнаружение несогласованности между эксплицитным референциальным значением текста и его имплицитным риторическим значением, так что акты чтения лишь актуализируют внутреннюю деконструкцию самого текста. Х. Блум рассматривает производство текста как акт «неверного прочтения» других текстов, так что процедура чтения (деконструкции) выступает необходимым условием и креативной силой порождения текста: всякий текст является формой деконструкции других текстов. Дж.Х. Миллер акцентирует внимание на структурных особенностях организации текста и его принципиальной полисемичности, зависимости его семантики от избираемой стратегии прочтения. В целом для этого направления характерна установка на выявление зависимости семантики текста от его предполагаемой прагматики и вовлечённости в те или иные контексты.

Однако восприятие деконструкции в качестве метода анализа, формы радикальной герменевтики, критики (будь то литературной критики художественного текста или критики логоцентризма и метафизики) представляются неточными и недостаточными (действительно, в исполнении Деррида деконструкция всегда является «чем-то ещё»). В первую очередь, их недостаточность усматривается в том, что все они сообщают деконструкции статус *внешней* по отношению к тексту когнитивной стратегии. С таким истолкованием трудно согласуются заявления Деррида о нестабильности деконструкции как стратегии, о ситуативности её метода и, в целом, принципиальной множественности её форм, а также понимание деконструкции как *внутреннего условия* самообнаружения смысла, а стало быть – необходимого условия существования самого текста (деконструкция становится самой его «реальностью», а не внешним по отношению к нему усилием согласования или рассогласования). Деконструкция – это ещё и внутренняя стихия самого текста, а не только внешняя ему процедура. При этом под текстом подразумеваются любые формы дискурсивности, включая «немые» идеологические послания и повседневную коммуникацию.⁷

Возможно, что специфика деконструкции заключается в этой её двойственной природе, которая принадлежит и контролируемому механизму некоторой процедуры, и неприрученной стихии события. Это вмешательство, чудесным образом *восполняющее* сущность, на что указывает амбивалентность столь часто фигурирующего у Деррида мотива «эксапроприации». Эксапроприация – процедура, подрывающая притязания какой-либо «сущности» на обладание *собственным* характером, именем, значением, самодостаточной природой, свойством. Эксапроприация всегда сопровождается указанием на сущностную и изначальную *неполноту* некоторой инстанции и, напротив, *восполняющий* характер процедур

вмешательства, таких как чтение, перевод, передача сообщения и – всякий раз – собственно *деконструкция* (процедур «внешних», «случайных», «насилованных» и «дополнительных» в соответствии с представлением об автономной сущности). Необходимым эффектом деконструкции является демонстрация того, что вне этих процедур нет никакой полноты «собственного» и «изначального». В силу этого деконструкция всякий раз предстает жестом *дарения*, в ходе которого сущность впервые обретает своё «собственное», каковое всегда оказывается лишь отложенным и никогда не бывшим. Поэтому деконструкция всегда сопутствует, служит средой и проводником событию восстановления полноты или вступления в права, т. е. *событию* как таковому.⁸

Так или иначе, деконструкция всякий раз обращена к актуализации деконструируемого текста. В силу этого деконструкция предстаёт процедурой восполнения, возвращения дискурсу такого контекста, который способен наиболее полно восстановить его действительность здесь и сейчас. Это измерение деконструкции, вообще её исключительное внимание к реальности текста и его внутренней динамике являются определяющими для характера её «работы».

Деконструкцией всякий раз оказывается чувствительность к «посланию», которое скрыто за привычными правилами его трансляции. Сквозь «букву» застывших правил деконструктивистское начинание устремлено к «духу» той ускользающей и почти невозможной значимости, которая и составляет «истину» текста. Ведь «истина» (эффект истины) всякого текста – в его собственной, внутренней деконструкции, в той подвижности и рассогласованности, которые составляют саму его проблему, сообщающую ему его действительность. Можно сказать, что деконструкция делает своим предметом не то или иное высказывание, но то, как с ним «обстоит дело». Эти-то восполняющие «обстоятельства» и являются искомым «текстом», а вовсе не последовательность его эксплицитных пропозиций.⁹ Неслучайно её процедуры стремятся выйти за границы привычных правил согласования означающих, делая своим предметом сами эти правила, обстоятельства самого согласования, истину разбираемого текста – именно как текста, *разбирающегося* со своей истиной, – стало быть, истину самого этого разбора.

При другом прочтении, в границах привычных историко-философских единств, тексты способны выполнять лишь локальную функцию, в первую очередь *повествуя* о самих себе, но никогда не обнаруживая всей своей притязательности. Деактуализация, нейтрализация, что-то, отвечающее хайдеггеровскому «забвению», могли бы стать отдельной темой разговора о способах обхождения с традицией. В противоположность работе деконструкции такому снижению действительности текста служит, например, послушное цитирование, однозначно отдающее «послание» какого-либо высказывания его историко-философскому контексту, возможно также – заклятие («заклинать – марксизм»). Можно предположить, что и вообще всякая позитивная «история

философии» служит лишь нейтрализации того или иного «наследия», формой его непризнания и погребения. Деконструкция же сообщает тексту размерность события, разрушая облекающий историко-философский контекст и сполна возвращая тексту его скрытые притязания, вновь придавая этим притязаниям актуальность.

Именно в этом смысле и в той мере, в какой её акты приобретают размерность действия, деконструкция может обнаруживать свои политические и этические аспекты, а в наиболее далеко заходящей интерпретации – быть практикой существования, нацеленной в этическом измерении на осуществление подлинного действия и преодоление разрыва между теоретическим и практическим применением философии, а в качестве политики – являясь критикой скрытых форм подавления, проводником справедливости¹⁰, политикой долга и душой нового интернационала¹¹.

Примечания

- ¹ Easthope A. *British post-structuralism since 1968*. L.; N.Y., 1988. P. 187–188; Дьяков А.В. *Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе (Онтологический аспект)*. М., 2005. С. 192–193.
- ² Франк Х. *Логика деконструкции? Заметки к Жаку Деррида* // Человек – философия – гуманизм. Материалы I Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). Т. VIII. СПб., 1998. С. 239.
- ³ См.: Франк Х. *Деконструкция логики – логика деконструкции? // Герменевтика и деконструкция*; под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб., 1999. С. 92–104.
- ⁴ *Философия и литература* // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. С. 165.
- ⁵ Бертрам Г.В. *К чему относится критика деконструкции?* // Топос. 2004. № 1. С. 72–74.
- ⁶ Ср.: «Я люблю язык, люблю логоцентризм. Если я и хочу восстановить обучение философии как институт во Франции, то ради преподавания метафизики. Я знаю, что метафизика нам нужна, я никогда не говорил, что её нужно просто выбросить в мусорный ящик» (см.: *Философия и литература...* С. 168.)
- ⁷ Ср. замечание о природе деконструкции, сделанное Ж. Деррида в ходе беседы в Москве 1990: «Я полагаю, что каждый, находясь в своей особой ситуации – исторической, политической, идеологической, – должен изобрести собственный способ деконструкции, но не изобретать заново саму деконструкцию. Деконструкция делает своё дело, хотите вы этого или нет; она на полном ходу: то, что происходит сейчас в Советском Союзе, есть своего рода деконструкция в действии» (см.: *Философия и литература...* С. 165–166.)
- ⁸ Ср.: «В своей возможности, как и во всегда складывавшем её опыте невозможности, она [деконструкция] никогда не является чуждой событию – просто-напросто прибытию того, что наступает» (см.: Деррида Ж. *Призраки Маркса*. М., 2006. С. 131).
- ⁹ Примечательно, что Деррида признаёт недостаточным используемое Остином понятие речевого акта и характер его связи с внеречевым «контекстом», находя, что эта связь остаётся достаточно слабой и не повсеместной. Обстоятельства контекста отнюдь не всецело определяют у Остина значение высказывания (оно остаётся «внутренним»),

а «коммуникация» продолжает сохранять функцию простой передачи представления, т. е. избыточной, повторной презентации значения (см.: Деррида Ж. Подпись – событие – контекст // *Дискурс*. 1996. №1. С. 39–55).

¹⁰ «Деконструкция – это справедливость». В. Штегмайер делает это высказывание Ж. Деррида одним из ключевых при разборе его творчества. См.: Штегмайер В. Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс // *Герменевтика и деконструкция*. СПб., 1999. С. 68–91.

¹¹ Чем ещё является деконструкция, как не возмещением должного всем затрагиваемым ею «вещам», по праву им причитающегося? Обе последние темы (политика долга и идея нового интернационала) понимаются Ж. Деррида в работах, посвящённых Марксу и судьбе его наследия; см.: Деррида Ж. *Призраки Маркса*. М., 2006.; Деррида Ж. *Маркс и сыновья*. М., 2006.